

Памяти покойнаго протоіеря о. Іакова Димитріевича Брянцева.

11 іюня 1895 года исполняется годовщина смерти Сычевскаго уѣзднаго благочиннаго и миссіонера, протоіеря села Ильинскаго-Ярыгина, о. Іакова Димитріевича Брянцева. Миновалъ уже годъ со времени погребенія дорогаго усопшаго, а между тѣмъ какъ скоро прошелъ этотъ сравнительно долгій періодъ! Должно быть, разнообразныя интересы занимали наше вниманіе въ протекшій годъ, такъ что мы и не замѣтили этого времени. Однако жизнь въ сознаніи разумнаго существа-человѣка не должна бы быть калейдоскопомъ, простой постоянной смѣной событій и людей. Для прогресса человѣчества вообще и отдѣльныхъ группъ людей въ частности необходимо бы не забывать прежнихъ лучшихъ дѣятелей, но пользоваться опытами ихъ жозни, чтобы лучше работать въ пзвѣстной сферѣ дѣятельности. Пастырство, по самому ха-

рактору своему, какъ пишущее дѣло съ внутренними глубинами человѣческаго духа, болѣе, чѣмъ какая либо другая дѣятельность, нуждается въ опытахъ своихъ лучшихъ людей.

Въ лицѣ покойнаго Протоіерея о. Іакова Брянцева сошелъ въ могилу, дѣйствительно, одинъ изъ такихъ лучшихъ пастырей, ревностно проходившій свое пастырское и миссіонерское служеніе. Сложныя и отвѣтственныя обязанности, которыя возлагаемы были на почившаго въ разные времена его служенія, нерѣдко въ молодые годы (напр. миссіонерство и благочинничество), указываютъ на то довѣріе, которое съ первыхъ же годовъ служенія снискалъ покойный протоіерей въ глаза епархіальнаго начальства. А рядъ духовныхъ наградъ, начиная съ архипастырскихъ благословеній и кончая саномъ протоіерея, и орденовъ за заслуги по духовному вѣдомству, говорятъ, что покойный протоіерей постоянно оправдывалъ оказываемое ему довѣріе, умѣло и съ тактомъ исполняя возлагаемыя на него порученія начальства, честно и старательно служа на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Глубокое же уваженіе и любовь, которыя питали къ нему всѣ окружавшія его лица и прежде всего подчиненные его за его обширный, многоопытный умъ и чисто родственную простоту и добросердечность ко всѣмъ, — искренняя неподдѣльная грусть, свѣтившаяся во взорахъ погребавшихъ тѣло покойнаго ¹⁾ и звучащая въ ихъ прощальныхъ рѣчахъ, кажется, довольно ясно свидѣтельствуютъ, что почившій протоіерей представлялъ рѣдкій, симпатичный типъ гуманнаго начальника — усерднаго исполнителя распоряженій высшей духовной власти съ одной стороны, а съ другой — друга, совѣтника и руководителя всѣхъ окружавшихъ его лицъ, и главнымъ образомъ его подчиненныхъ. «Не стало отца у

1) Большинство погребавшихъ протоіерея Брянцева составляли его подчиненные.

дѣтей, пастыря у пасомыхъ, говорилъ надъ гробомъ умершаго священникъ Н. Соколовъ. И эти слова являлись не простой фразой проповѣдническаго краснорѣчія, но служили истинной характеристикой личности почившаго.

Ко времени годовщины смерти покойнаго о. протоіерея напомнимъ главнѣйшія черты его жизни и дѣятельности и сдѣлаемъ посильную его характеристику. Да будутъ эти строки благодарной данью памяти почившаго за его долгую трудовую жизнь и дѣятельность, а пастыри, работающіе, на нивѣ христовой, да почерпнутъ нѣкоторые уроки изъ жизни почившаго, чтобы самимъ успѣшнѣй дѣйствовать на пастырскомъ полѣ.

Покойный протоіерей о. Іаковъ Брянцевъ родился 8 марта 1836 года въ селѣ Волстѣ-Пятницѣ, Юхновскаго уѣзда Смоленской губерніи, въ бѣдной причетнической семьѣ. Такъ какъ въ семьѣ его отца было 5 человекъ дѣтей (четыре сына и одна дочь), то естественно, покойному съ ранняго дѣтства пришлось познакомиться съ бѣдностью и нуждой. Но эта суровая школа жизни, пройденная покойнымъ протоіереемъ съ самаго начала имѣла благодѣтельное вліяніе на его дальнѣйшее развитіе: она закалила его характеръ, помогла съ терпѣніемъ и легкостью перенести различныя невзгоды въ пастырской дѣятельности и семейной жизни, которыя часто выпадали на долю покойнаго протоіерея, когда онъ вступилъ въ самостоятельную жизнь; потомъ — и это главное, сдѣлало его добрымъ и отзывчивымъ ко всякой нуждѣ. Вспоминалъ ли онъ о первыхъ тяжелыхъ годахъ своего служенія въ священномъ санѣ, когда ему пришлось испытать крайнюю бѣдность, говорилъ ли о своихъ матеріальныхъ отношеніяхъ къ прихожанамъ, о своей нетребовательности, покойный постоянно возвращался мыслью къ своему дѣтству и юности, которыя протекали въ

бѣдной родительской обстановкѣ, и въ зависимости отъ нихъ поставлялъ терпѣливое перенесеніе всякихъ жизненныхъ лишеній, невзгодъ и горестей, общую свою непритязательность къ жизни.

Бѣдная обстановка въ родительскомъ домѣ оказалась благодѣтельной для покойнаго о. протоіерея еще и въ томъ отношеніи, что подготовила его къ школѣ, помогла ему перенести всѣ невзгоды своего школьнаго обученія сначала въ Вяземскомъ дух. училищѣ, а потомъ въ Смоленской семинаріи. Нужно помнить, что это была старая школа, которая въ обученіи обращалась больше къ самодѣятельности учениковъ, возбуждая ее суровыми дисциплинарными взысканіями, а въ жизни плохо питала, лишь поддерживая существованіе учащихся. Но ни изъ воспоминаній покойнаго о. протоіерея (помѣщенныхъ въ Смоленск. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1890 годъ № 10, 14, 28), ни изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ мы совсѣмъ не могли замѣтить, чтобы прежняя школа, суровая по своей дисциплинѣ, оставила въ немъ какія либо злобныя чувства и недовольство. Только въ одномъ мѣстѣ воспоминаній, гдѣ о. протоіерей по ассоціаціи сравниваетъ теперешнія ласковыя, вполне гуманныя отношенія къ дѣтямъ-ученикамъ съ ученіемъ своего времени и тогдашними отношеніями, онъ съ грустью замѣчаетъ, что „теперь никакого сравненія нѣтъ съ давно минувшимъ временемъ: съ нами было не то“... (стр. 468). По всему видно было, что тогдашняя суровая дисциплина въ школахъ признавалась побойнымъ, какъ естественное явленіе того времени, подходившее подъ общій духъ и характеръ тогдашней жизни.

Въ настоящее время, когда заходитъ рѣчь о старой школѣ, каждый старается бросить какой либо упрекъ по адресу ея, въ дополненіе къ тѣмъ мрачнымъ краскамъ, которыми такъ богато, даже слишкомъ, раскрасила ее беллетристика извѣст-

наго направленія. А между тѣмъ, если лучше, безпристрастнѣй отнестись къ минувшему прошлому нашей школы, придется усмотрѣть въ ней и не однѣ мрачныя стороны. Правда, прежняя школа не сообщала такого обилія разнородныхъ знаній, какими вышняя школа старается наполнить головы учащихся, въ ущербъ ихъ силамъ физическимъ и духовнымъ, но за то разъ усвоенное въ прежней школѣ ужъ по тому самому, что до него нерѣдко приходилось учащимся добиваться собственными усиліями, сидѣло крѣпко въ головѣ ¹⁾, а что кажется намъ теперь схоластичнымъ въ прежнемъ преподаваніи, то также имѣло свое значеніе въ общемъ развитіи учащихся, особенно въ развитіи формальномъ. Никто не станетъ отрицать, что складъ мысли прежнихъ воспитанниковъ отличается строгой логичностью и систематичностью. Такія именно характерныя особенности умственного склада мы замѣчаемъ и въ покойномъ протоіерее о. Іаковѣ. Мы можемъ сообщить, вполне ручаясь за достовѣрность сообщаемого, что покойный писалъ всѣ бумаги экспремтумъ, прямо на-бѣло, все равно—былъ ли то благочинническій отчетъ о ревизіи церкви, рапортъ, докладъ по дѣламъ миссіонерскимъ, или же литературная статья для печати. И всегда его доклады и статьи поражали ясностью взгляда, основательностью сужденій, краткостью и изяществомъ литературной отдѣлки. По нашему мнѣнію, всѣ эти выдающіяся особенности письма покойнаго протоіерея объясняются въ значительной мѣрѣ той шлифовкой ума, которую давала прежняя школа.

Мы сказали выше, что прежняя школа плохо питала своихъ учащихся, не балуя ихъ такою роскошью, какъ напр. чай, хорошая одежда и обувь. Но, если характеръ и усло-

¹⁾ Въ примѣръ можно указать отличное изученіе въ прежней школѣ классическихъ языковъ. Прежняя школа умѣла пригостывать изъ своихъ учениковъ такихъ классиковъ, какихъ не выпускаетъ и вышняя школа, находящаяся въ гораздо лучшихъ условіяхъ, чѣмъ школа прежняя.

вія тогдашней жизни учениковъ далеко разнятся отъ жизни учениковъ нынѣшнихъ, и первая, по сравненію съ послѣдней, представляется крайне просто и даже убогой ¹⁾, то это въ значительной мѣрѣ объясняется общимъ характеромъ жизни самого духовенства того времени; бѣдная обстановка школьной жизни учениковъ соотвѣтствовала скуднымъ матеріальнымъ средствамъ ихъ отцовъ и была, собственно говоря, продолженіемъ той бѣдной обстановки, въ какой большинству прежнихъ учениковъ приходилось воспитывать въ родительскомъ домѣ.

Покойному о. протоіерею, тогда еще Якову Дмитріевичу, во время обученія въ школахъ — сначала въ училищѣ, потомъ въ семинаріи пришлось перенести много разныхъ матеріальныхъ лишеній. Въ училищѣ онъ былъ на содержаніи отца, который, при многочисленности своей семьи и бѣдности своей, вслѣдствіе этого, не могъ обставить жизнь своего сына сносно (къ тому же въ Вяземскомъ училищѣ въ это время учились два сына у волстинскаго причетника) ²⁾. Въ семинаріи Яковъ Дмитріевичъ принять былъ на казенное содержаніе. Но это пзмѣненіе обстановки не улучшило его матеріальнаго положенія. По воспоминаніямъ покойнаго, „столъ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ былъ въ то время самый скуд-

¹⁾ Любопытныя подробности о жизни прежнихъ учениковъ можно прочесть въ воспоминаніяхъ покойнаго о. протоіерея. Смоленск. Епарх. Вѣдом. № 10, 475 стр. № 20, 695 стр.

²⁾ Отецъ покойнаго протоіерея, хотя и не получилъ достаточнаго образованія, но отъ природы обладалъ свѣтлымъ умомъ и яснымъ взглядомъ на вещи. Онъ ясно сознавалъ цѣну науки и потому рѣшительно отказывалъ себя почти во всемъ, чтобы дать дѣтямъ своимъ приличное образованіе. Нужно принять во вниманіе недостаточность средствъ, а также то высокое образованіе, которое далъ своимъ дѣтямъ бѣдный волстинскій причетникъ (два старшихъ сына его — Петръ и Яковъ окончили курсъ въ Семинаріи, а изъ младшихъ — одинъ Александръ окончилъ курсъ въ духовной академіи, другой въ Университетѣ). Послѣдніе два сына закончили свое образованіе уже по смерти отца, скончавшагося 5 іюня 1866 года), чтобы въ достаточной мѣрѣ оцѣнить его высокую личность, всю энергію и самоотверженную любовь, положенныя имъ на воспитаніе и образованіе своихъ дѣтей. Одно было утѣшеніемъ и ободреніемъ отцу въ его заботахъ о дѣтяхъ это то, что отъ природы они нацѣлены были отличными способностями, и потому ученіе шло у нихъ хорошо и легко.

ный; равнымъ образомъ представляли мало удобствъ для учениковъ и ихъ помѣщенія“ (Смоленск. Епарх. Вѣдом. № 20, 949 стр.). Нужно помнить, что это было время правленія въ Смоленской семинаріи пресектора іеромонаха Викторина, который, по замѣчанію покойнаго, „смотрѣлъ на учениковъ семинаріи, какъ на жребій Божій, вдѣлъ въ нихъ будущихъ служителей алтаря Господня, которые должны быть безупречны, немущи скверны или нѣчто отъ такихъ, какъ сказалъ апостоль“ (ibid. 948 стр.). Этой простотѣ внутренней жизни, по взгляду іеромонаха Викторина, должна была соотвѣтствовать суровость, простота и даже бѣдность внѣшней жизни ¹⁾).

Какъ ни тяжела и сурова была эта викториновская школа отличавшаяся, по воспоминаніямъ покойнаго протоіерея, безпощадной строгостью и видимой жестокостью въ отношеніи къ ученикамъ грубымъ, непокорнымъ и порочнымъ (ibid 948 стр.), однако она, вмѣстѣ съ бѣдностью предшествовавшей ей домашней обстановки, оказала и доброе вліяніе на покойнаго, потому что выработала въ немъ любовь къ труду, терпѣніе и общую непритязательность къ жизни — главные качества личности покойнаго, которыхъ затребовала отъ него дальнѣйшая его жизнь какъ служебная, такъ и семейная.

Яковъ Дмитріевичъ надѣленъ былъ отъ природы выдающимися способностями, почему легко и хорошо прошелъ какъ училищный, такъ и семинарскій курсъ наукъ. Въ 1859 г. онъ окончилъ курсъ семинаріи первымъ студентомъ въ первой половинѣ богословскаго класса и, какъ лучшій воспи-

¹⁾ Не даромъ же онъ изгналъ изъ семинарской жизни вообще и изъ семинарскаго казеннаго стола въ частности все, что даже относительно могло бы называться роскошью. Такъ, въ самомъ же началѣ своего правленія въ Смол. семинаріи онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы вся прежняя оловянная столовая посуда и оловянные ложки были опять замѣнены деревянными (осиновыми) чашками и ложками, какія употреблялись прежде.

танникъ, отправленъ былъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую духовную академію.

Теперь намъ приходится коснуться одного весьма печальнаго эпизода изъ жизни о. Іакова, — эпизода, оставившаго по себѣ горькое воспоминаніе въ покойномъ на всю жизнь. Бываютъ же такіе тяжелые случаи въ жизни человѣка!

Въ августѣ мѣсяцѣ 1859 года, Яковъ Дмитріевичъ отправился въ Петербургъ; выдержалъ тамъ пріемные экзамены въ академію по всѣмъ семинарскимъ наукамъ и зачисленъ былъ въ студенты академіи. Начались классы, стали ходить на лекціи и уже подали по одному сочиненію, однимъ словомъ проучились два мѣсяца, и вдругъ приходитъ секретарь академическаго Правленія и объявляетъ, что митрополитъ Григорій, просматривая списки вновь поступившихъ студентовъ, нашель, что принято слишкомъ много (50 человѣкъ), и что всѣхъ содержать трудно. Поэтому Высокопреосвященный митрополитъ отчеркнулъ послѣдній десятокъ студентовъ, приказавъ имъ на слѣдующій годъ поступить въ другія академіи, а изъ Петербургской уволилъ. Въ этотъ несчастный десятокъ уволенныхъ попалъ и Яковъ Дмитріевичъ: онъ оказался вторымъ за чертой и потому долженъ былъ возвратиться домой. „Велико было горе мое тогда, — говаривалъ покойный о протоіерей, вспоминая эту глубоко-печальную страницу изъ своей жизни, — мнѣ хотѣлось учиться, но дѣлать было нечего; надо было возвратиться домой“. Такъ разомъ разсѣялись всѣ радужныя мечты, которыя явились у Якова Дмитріевича, съ поступленіемъ въ академію. Опредѣленіе Петербургскаго митрополита оказалось слишкомъ неожиданнымъ и запоздалымъ. Получивъ прогонныя деньги, Яковъ Дмитріевичъ „съ ужасной горестью“ (добавляетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ Смол. Епарх. Вѣд. № 20, 950 стр) возвратился на родину къ отцу.

Въ февралѣ 1860 года, Яковъ Дмитріевичъ отправился изъ отцовскаго дома въ Смоленскъ для присканія священническаго мѣста. Преосвященный Антоній (впоследствии архіепископъ Казанскій) далъ Якову Дмитріевичу мѣсто въ селѣ Ильинскомъ-Ярыгинѣ, Сычевскаго уѣзда, причемъ указалъ ему и невѣсту — дочь умершаго священника этого села Адриана Спиридонова — Марію. Хотя Яковъ Дмитріевичъ не видалъ невѣсты и не слышалъ о существованіи ея, но, по бѣдности своей, принужденъ былъ принять архіепископское предложеніе. 24 апрѣля 1860 года Яковъ Дмитріевичъ женился, а 1 мая выѣхалъ въ Смоленскъ посвящаться, выпросивши кой у кого взаймы 50 р. денегъ. Лишь только онъ явился въ архіерейскую канцелярію, какъ ему предъявили требованіе его въ Московскую духовную академію, гдѣ онъ уже былъ прямо зачисленъ въ казенные воспитанники, какъ выдержавшій экзаменъ въ Петербургской академіи. На этотъ разъ судьба сыграла съ Яковомъ Дмитріевичемъ еще болѣе жестокую шутку. Она вздумала было поправить первый жестокой приговоръ, но послѣдній ударъ, вслѣдствіе своей крайней запоздалости, оказался еще болѣе жестокимъ, чѣмъ первый. „Какъ громомъ поразило меня это требованіе, говорилъ покойный, вспоминая этотъ печальный эпизодъ изъ своей жизни, я глубоко раскаялся, что женился, но дѣло оказалось непоправимымъ; отъ академіи нужно было отказаться, и я отказался“. „Знать не судьбнна мнѣ больше учиться“, съ глубокой горечью и сожалѣніемъ заканчиваетъ покойный протоіерей разсказъ о своемъ поступленіи въ академію (Смол. Епарх. Вѣдом. № 20, 951 стр.). Священство оставалось единственнымъ исходомъ изъ этого тяжелаго положенія, и Яковъ Дмитріевичъ принялъ рукоположеніе въ санъ священника. „Знать мнѣ опредѣлено быть священни-

комъ“, такъ заканчиваетъ о. Іаковъ свои воспоминанія о времени своего образованія въ школахъ (ibid. 951 стр.).

Тяжело было первоначальное служеніе о. Іакова въ санѣ пастыря. Ему на первыхъ же порахъ пришлось испытать крайнюю бѣдность. Кромѣ ветхаго домика, у него ничего не было: не было приличной одежды, ни скота, ни денегъ, ни хлѣба. Но къ бѣдности и нищетѣ не привыкать было о. Іакову. Вотъ тутъ-то и помогла ему суровая школа жизни, пройденная имъ въ крайней бѣдности сначала въ отцовскомъ домѣ, а потомъ въ училищѣ и семинаріи. О. Іаковъ не палъ духомъ, но терпѣливо переносилъ тяжесть своего положенія. „Не привыкнувъ къ роскоши въ отцовскомъ домѣ, говорилъ покойный, вспоминая первое время своей самостоятельной жизни въ должности священника, — я не былъ взыскателемъ, если приходилось иногда кушать хлѣбъ съ водой. Въ крайней бѣдности я прожилъ годъ, а потомъ сталъ поправляться; Господь Богъ все справилъ“, добавлялъ покойный о. протоіерей. Въ дополненіе къ этой физической нуждѣ и нищетѣ, которыя выпали на долю о. Іакова на первыхъ же порахъ его служенія, ему пришлось съ первыхъ же лѣтъ іерейства испытать много нравственныхъ страданій и прежде всего отъ своихъ товарищей-священниковъ, съ которыми ему приходилось служить. Нужно впрочемъ вообще замѣтить, что, гдѣ существуетъ двухштатный причтъ (а такой именно и есть въ селѣ Ильинскомъ), тамъ часто возникаютъ ссоры, и почти постоянно поддерживаются непріязненные отношенія между членами причтотъ. А здѣсь былъ даже особый причтъ ссоръ и непріятныхъ отношеній, и онѣ заключались въ личности покойнаго протоіерея, служа однако не къ униженію, а къ возвышенію, не къ позору, а къ чести его личности. То, что въ однихъ случаяхъ и у однихъ людей вызываетъ глубокое уваженіе и горячую любовь, то въ дру-

гихъ случаяхъ и у другихъ людей возбуждаетъ черную зависть и недоброжелательство. Таковъ ужъ человѣкъ въ настоящемъ своемъ состояніи, что, въ своей нравственной личности, иногда извращаетъ естественныя, нормальныя чувства и отношенія. Какъ умный, выдающійся человѣкъ и энергичный пастырь, преданный тому дѣлу, къ которому Богъ опредѣлилъ его, о. Іаковъ, естественно, долженъ былъ становиться въ иныхъ случаяхъ выше своихъ сослуживцевъ. Начальство же, видя его умную и энергичную пастырскую дѣятельность, выдвигало его, поощряло, давало старшинство въ причтѣ, благочинничество въ округѣ и миссіонерство — не за выслугу лѣтъ, чѣмъ оскорблялись окружавшія лица, которыя, какъ болѣе послужившія въ должности священника, признавали себя болѣе достойными (?) того или иного званія и потому считали себя обойденными. Вотъ главная причина тѣхъ непріязненныхъ отношеній, въ которыя часто становились товарищи — сослуживцы покойнаго протоіерея къ послѣднему. Другія же причины заключались въ личномъ характерѣ сослуживцевъ — ихъ гордости, самонадѣянности, неуважительности и своекорыстіи.

Не станемъ подробно говорить о всѣхъ сослуживцахъ покойнаго въ отдѣльности, объ ихъ отношеніяхъ къ нему, не будемъ упоминать именъ ихъ (такъ какъ *nomina sunt odiosa*, говорится въ древнемъ изреченіи). Цѣня скромность и щадя самолюбіе сослуживцевъ покойнаго, кратко только замѣтимъ, что нѣкоторые изъ нихъ нерѣдко вредили пастырской дѣятельности его, ставя свое мелкое самолюбіе выше Христова дѣла. Изъ за того только, что о. Іаковъ былъ умный и всецѣло преданный своему пастырскому дѣлу, первые сослуживцы его напр. всячески старались препятствовать его проповѣдничеству, которымъ онъ ревностно занимался. Случалось, что они не представляли начальству проповѣди о. Іа-

кова, и тому приходилось отсылать ихъ на свои послѣднія копѣйки, чтобы только получить разрѣшеніе на произнесеніе. А сколько столкновеній и непріятностей выходило у покойнаго о. протоіерея съ своими сослуживцами по дѣлу о постройкѣ новой церкви въ селѣ Ильинскомъ! Постройка церкви была дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ приходилось пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы только возбудить прихожанъ къ денежнымъ или матеріальнымъ жертвамъ на это дѣло. И при этихъ трудахъ и хлопотахъ — никакого содѣйствія со стороны товарищей сослуживцевъ! Обиженные, что о. Іаковъ слишкомъ рано получилъ старшинство въ причтѣ (послѣ 4 лѣтъ священства), они вмѣсто того, чтобы содѣйствовать благому дѣлу построенія церкви, нерѣдко вредили ему, разстраивая прихожанъ и возбуждая ихъ противъ о. Іакова.

Таковы были случаи, въ которыхъ сослуживцы покойнаго о. протоіерея нерѣдко затрудняли успѣхъ его пастырской дѣятельности. Но не мало было также случаевъ въ жизни покойнаго, когда сослуживцы посягали на его матеріальные интересы (вторгались въ его приходъ или требоправленія) или пятнали его доброе имя, въ цѣляхъ разстроить отношенія его къ прихожанамъ и начальствующимъ лицамъ. Со стороны покойнаго протоіерея требовалось много такта, умѣнья обходиться съ людьми, а главное — нужно было великое терпѣніе, чтобы сносить всѣ личныя оскорбленія и стороннія козни противъ него, которыя случались даже тогда, когда покойный о. Іаковъ былъ уже благочиннымъ и пользовался благосклонностью преосвященныхъ. Стоило ему только довести начальству о всѣхъ фактахъ, въ которыхъ оскорблялась его личность, или страдали матеріальные интересы, чтобы испортить службу своего сослуживца. Это не было бы безнравственнымъ доносомъ, а только естественнымъ ограж-

деніемъ своей личности и своихъ интересовъ отъ чужого посягательства. Но покойный о. Іаковъ не только не доносилъ епархіальному начальству о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, но даже не дѣлалъ эти личные ссоры поводомъ къ измѣненію товарищескихъ отношеній (что и высказано было въ надгробной рѣчи, при погребеніи о. Іакова, сослуживцемъ его свящ. Н. Соколовымъ). Онъ постоянно удалялся отъ рѣзкихъ и неуважительныхъ своихъ сослуживцевъ, уступалъ ихъ назойливости, терпѣливо переносилъ ихъ оскорбленія, хотя случались иногда слишкомъ большія испытанія его терпѣнію. „Разъ, напр., рассказывалъ покойный, мой сослуживецъ свалилъ съ полки мою камилавку и поддавалъ ее ногами; я ничего не сказалъ, поднялъ, почистилъ и поставилъ на свое мѣсто“.

Таковы были тактика и характеръ отношеній покойнаго протоіерея къ своимъ сослуживцамъ — священникамъ, вполне ясно обрисовывающіе высокую нравственную личность покойнаго, его безграничное терпѣніе и глубоко-смирненную снисходительность къ людямъ. За всю свою жизнь въ священномъ санѣ покойный о. протоіерей не поднялъ ни одного дѣла съ своими товарищами — священниками ни изъ за личныхъ оскорбленій, ни въ защиту своихъ матеріальныхъ интересовъ, хотя часто представлялись самые законные поводы къ тому.

Скажемъ теперь о дѣятельности покойнаго протоіерея о. Іакова — пастырской, благотворительной и миссіонерской.

Въ продолженіи 34-хъ-лѣтняго служенія покойнаго о. протоіерея при церкви села Ильинскаго онъ не мало потрудился для церкви Божіей. Такъ, его продолжительнымъ стараніемъ устроенъ новый каменный храмъ съ тремя престолами и освященъ былъ въ 1875 году Сычевскимъ соборнымъ протоіереемъ Михаиломъ Соколовымъ съ обрестнымъ священни-

гами (что подробно описано въ лѣтописи села Ильинскаго за 1875 годъ). О томъ, какіе труды и хлопоты понесъ о. Іаковъ при этой постройкѣ (продолжавшейся цѣлые 10 лѣтъ), какія препятствія встрѣчалъ онъ при исполненіи задуманнаго дѣла, нѣтъ нужды подробно говорить: это можетъ понять всякій, если представить себѣ, что храмъ строенъ былъ на сборныя копѣйки, а не на пожертвованіе одного лица. Трудами же покойнаго о. протоіерея открыто было церковно-приходское попечительство, существовавшее 20 лѣтъ, не закрытое еще и доселѣ. Устроенъ домъ для церковно-приходской школы; домъ этотъ сталъ уже ветхъ, въ немъ помѣщается нынѣ земское училище. Былъ 15 лѣтъ учителемъ и законоучителемъ въ церковно-приходской школѣ. Школу эту взяло земство, и о. Іаковъ отказался отъ учительства въ ней. Написалъ лѣтопись села, которая напечатана была, какъ образцовая, въ 14 № Смоленскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1871 годъ. Привелъ въ должный порядокъ архивъ и бібліотеку. Устроилъ съ лицевой стороны подлѣ церкви ограду съ каменными столбами. Пополнилъ ризницу и церковную утварь. Завелъ хорошую бібліотеку, которую и поручилъ діакону для наблюденія. Открылъ протѣвраскольническую бібліотеку и отдалъ подъ присмотръ священника Николая Соколова. Завелъ внѣбогослужебныя бесѣды съ прихожанами и торжественныя вечера въ зимнее время. Говорить ли уже въ отдѣльности о проповѣдничествѣ покойнаго о. протоіерея за обычными службами? Проповѣдь являлась у него необходимой составной частью богослуженія. Почему онъ не пропускалъ ни одного праздника безъ поучительнаго слова; въ началѣ своего служенія въ санѣ пастыря произносилъ поученія, приготовленныя раньше, а потомъ постоянно говорилъ экспромптомъ. Дополненіемъ къ этому общецерковному публичному проповѣдыванію служили частныя назидатель-

ныя бесѣды, которыя покойный о. протоіерей велъ съ прихожанами во время отправленія у нихъ какихъ либо требъ. По свидѣтельству сослуживца покойнаго — священника Н. Соколова, „въ приходѣ о. Іаковъ являлся вполне простымъ любящимъ отцомъ, добродушнымъ безъ конца“ (изъ надгробной рѣчи свящ. Н. Соколова). Чтобы закончить рѣчь о пастырской дѣятельности покойнаго протоіеря о. Іакова, мы должны еще упомянуть о тѣхъ — чинности и порядкѣ, съ какими покойный совершалъ священнослуженіе, и какіе способны были возбуждать въ присутствовавшихъ молитвенное настроеніе и располагать ихъ къ молитвѣ. „Бывало прихожане не налюбуются на своего отца и благоговѣнно молятся, побуждаемые его примѣромъ“, говорилъ въ надгробной рѣчи о покойномъ его сослуживецъ свящ. Н. Соколовъ. Неудивительно поэтому, что и прихожане постоянно были благодарны покойному о. протоіерю за его горячую любовь и заботу о нихъ и сохранять о немъ вѣчное воспоминаніе, какъ о доблестномъ пастырѣ, ревностномъ служителѣ церкви Божіей.

Благочиннымъ протоіерей о. Іаковъ состоялъ 26 лѣтъ, опредѣленный на эту должность Преосвященнымъ Іоанномъ въ 1868 г. И въ благочиннической дѣятельности покойнаго о. протоіеря мы замѣчаемъ тѣ же характерныя черты, которыя отмѣтили уже въ его пастырской дѣятельности. И здѣсь мы видимъ въ покойномъ умнаго дѣятельнаго руководителя ввѣренныхъ его наблюденію священниковъ, ставившаго интересы церкви выше всего, не обращающаго вниманія на личныя обиды и оскорбленія, лишь достигнуто было бы главное — миръ и любовь во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ подвѣдомаго ему духовенства. Раннее назначеніе на должность благочиннаго, когда о. Іакову не было еще и 30 лѣтъ, можетъ быть, и возбуждало зависть, недовѣріе и недоброжела-

тельство въ тѣхъ изъ подчиненныхъ лицъ, которыя, по старшинству лѣтъ, могли считать себя болѣе достойными этой должности, но потомъ, со временемъ, эти неровности въ отношеніяхъ членовъ благочинческаго округа къ благочинному сгладились и замѣнились отношеніями довѣрія, искренности и откровенности. Священники и прочіе члены причтовъ обращались къ покойному о. благочинному со всякими недоразумѣніями и въ его умѣ, опытности и добросердечности находили отвѣтъ на все свои запросы. Многимъ о. Іаковъ составлялъ вѣдомости, писалъ отчеты, сочинялъ разныя бумаги и все выходило удачно и хорошо. Мягкій по природѣ, покойный о. благочинный не любилъ судовъ и непріязненныхъ отношеній между членами причтовъ. „Бывало, рассказывалъ онъ, когда приходилось ѣхать въ село, гдѣ есть какое-либо дѣло, я былъ ужасно не въ духѣ, словно подъ турка собирался ѣхать“. Вездѣ старался покойный помирить враждующихъ, а когда нельзя было сего сдѣлать, составлялъ актъ на мѣстѣ, съ прописаніемъ всехъ жалобъ и отвѣтовъ и, пріѣхавши домой, вложилъ этотъ актъ подъ сукно. Тяжущіеся ждутъ возникновенія дѣла, а о дѣлѣ ни слуху, ни духу, и послѣ спасибо говорили. Слѣдствія или дознанія покойный о. благочинный производилъ только по тѣмъ бумагамъ, какія приходили отъ епархіальнаго начальства, и всегда старался поставить дѣло такъ, чтобы кончилось вничью. Конечно, противная сторона иногда оставалась недовольною такимъ рѣшеніемъ дѣла, обвиняла покойнаго въ пристрастности, не понимая тѣхъ высокихъ мотивовъ, которыми руководился покойный, давая такое направленіе дѣламъ. Случалось, что недовольные подавали жалобы на него епархіальному начальству, но начальство оставляло такія жалобы безъ послѣдствій. А сколько покойному, по должности благочиннаго, приходилось выносить личныхъ обидъ и оскорбленій отъ подчинен-

наго ему духовенства — и опять-таки изъ желанія поддержи-
вать миръ и любовь средѣ пастырей, которые должны быть
образцами во всемъ своимъ прихожанамъ, „*свѣтомъ на
свѣщаницъ Христовъ, чтобы свѣтитъ всѣмъ, иже въ
храминѣ суть*“ (Ев. Мѡ. V, 15). „Господь наградилъ меня
мягкимъ характеромъ и терпѣніемъ, говаривалъ покойный о
своихъ отношеніяхъ къ подвѣдомственному ему духовенству,
вслѣдствіе чего я не раздражался, когда говорили мнѣ не-
пріятности“. Непрѣятности же и оскорбленія бывали иногда
очень сильныя, и нужно было большое мужество и терпѣніе,
чтобы сносить ихъ, не предавая гласности. Одинъ священ-
никъ обидѣлъ о. благочиннаго за то, что онъ долго не по-
лучалъ камилавки. Послѣ такой обиды о. благочинный пред-
ставилъ его съ пространнымъ росписаніемъ его полезной дѣя-
тельности, и онъ получилъ камилавку. Другой выгналъ было
о. Іакова изъ дома за то, что тотъ сдѣлалъ ему замѣчаніе
за немиролюбивый характеръ, причемъ указалъ и факты не-
миролюбія. „Однако-жь, добавлялъ о. Іаковъ, рассказывая
объ этомъ случаѣ, — мы разстались съ нимъ попріятельски.
Послѣ онъ сталъ жить миролюбивѣй“. И много было подоб-
ныхъ случаевъ. Все улаживалось и сходило хорошо. Такимъ
образомъ терпѣніе и снисходительное отношеніе къ людскимъ
слабостямъ исправляли подчиненныхъ лицъ, можетъ быть,
гораздо болѣе, чѣмъ сколько исправили бы ихъ различныя
дисциплинарныя наказанія и взысканія, которыя могли бы
еще раздражить ихъ. Если тактъ и умѣнье обращаться съ
людьми говорить объ умѣ и выдержкѣ начальника, то дѣй-
ствованіе въ духѣ кротости и любви свидѣтельствуетъ объ его
нравственной высотѣ и величіи духа. Мы не говоримъ уже
здѣсь, какого труда и терпѣнія стоило покойному о. благо-
чинному получать отъ иныхъ священниковъ даже казенные
взносы; приходилось убѣждать, уговаривать, ссылаясь на

постановленія начальства, а иногда и грозить, какъ будто благочинный искалъ не казеннаго, а своего! Что такіе лица встрѣчаются нерѣдко среди духовенства, и какъ трудно ладить съ ними, объ этомъ знаютъ многіе оо. благочинные по собственному опыту. Покойный о. благочинный не былъ вымогательнъ, не старался стянуть лишній рубль съ причта, но, что давали за труды, не отказывался. Все это вмѣстѣ создало о. благочинному такое глубокое уваженіе и преданность всего подчиненнаго ему духовенства, какими едва ли пользовался хоть одинъ благочинный всей епархіи ¹⁾. Въ 1881 г. была послѣдняя баллотировка благочиннаго. На этой баллотировкѣ покойному о. Іакову положены были всѣ избирательные шары, каковаго числа шаровъ не получилъ ни одинъ благочинный во всей епархіи. И эта преданность почившему благочинному основывалась не на потворствѣ людскимъ слабостямъ (такъ какъ такого потворства вовсе не было), а на глубокомъ уваженіи къ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ почившаго. Она была одобреніемъ указаннаго характера его дѣятельности и служила блестящимъ подтвержденіемъ той истины, что не сплой, а любовью поддерживается жизнь людей.

(Продолженіе будетъ).

Памяти покойнаго протоіеря о. Іакова Дмитріевича Брянцева.

(Продолженіе 1).

Въ 1867 году покойный о. Іаковъ назначень былъ на открывшуюся въ сычевскомъ уѣздѣ должность миссіонера по дѣламъ раскола и до самой смерти оставался на этой должности. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о миссіонерской дѣятельности покойнаго о. протоіеря.

Въ своей дѣятельности по дѣламъ раскола покойный никогда не пользовался полицейскими насильственными мѣрами для обращенія раскольниковъ, но, смотря на нихъ, какъ неразумныхъ защитниковъ старины, заблуждающихся, употреблялъ

1) См № 10 и 11 Смол. Епарх. Вѣд.

мѣры вразумленія и наставленія. Вотъ почему у него простыя откровенныя бесѣды съ раскольниками являлись главнымъ средствомъ воздѣйствія на нихъ. Обѣзжая два раза въ годъ всѣ села своего округа для обозрѣнія, покойный о. благочинный останавливался въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ живутъ раскольники, собиралъ ихъ въ одинъ домъ или на улицу и бесѣдовалъ о предметахъ вѣры. Такія бесѣды назывались частными, и содержаніе ихъ обычно прописывалось о. Іаковомъ въ благочинническомъ журналѣ, ежегодно подаваемомъ на благоусмотрѣніе Его Преосвященства. А въ 1892 году, по желанію нѣкоторыхъ священниковъ, о. Іаковъ, при обозрѣніи церквей, сверхъ частныхъ бесѣдъ сдѣлалъ еще двѣнадцать публичныхъ въ разныхъ селеніяхъ, зараженныхъ расколомъ. Отчетъ объ этихъ бесѣдахъ покойный о. Іаковъ напечаталъ въ Смоленск. Епарх. Вѣдомостяхъ за 1893 годъ №№ 1, 3, 4, 5. Тотъ же отчетъ послѣ вышелъ и въ видѣ отдельной брошюры, какъ оттискъ редакціи Смол. Епарх. Вѣдомостей. (Двѣнадцать бесѣдъ веденныхъ въ разныхъ волостяхъ сичевского уѣзда въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1892 года, миссіонеромъ по дѣламъ раскола, села Ильинскаго Казанской церкви, Протоіереемъ Іаковомъ Брянцевымъ. Изд. 1893 г.). На основаніи этого отчета можно составить довольно ясное представленіе какъ о методѣ, который употреблялъ покойный о. миссіонеръ во время своихъ собесѣдованій съ раскольниками, такъ равно и о характерѣ самыхъ собесѣдованій. Исходя изъ того взгляда, что многіе заблудшіе раскольники не знаютъ своей вѣры и въ своемъ противленіи православной церкви, безотчетно, водятся только старыми обычаями и начетчиками, о. Іаковъ въ своихъ рѣчахъ прежде всего опредѣлялъ расколъ той или другой мѣстности, выяснялъ раскольникамъ ихъ вѣру, потомъ останавливался на тѣхъ пунктахъ, въ какихъ они заблуждаются, и въ

доказательство ихъ заблужденія приводилъ тексты: а) изъ Священнаго Писанія, которое всецѣло принимаютъ они, какъ и мы; б) изъ правилъ св. апостоловъ и соборовъ, также общихъ съ нами, и в) изъ писаній св. отцовъ, любимыхъ имъ, и изъ книгъ, особенно уважаемыхъ имъ. Указавъ заблужденія раскольниковъ, о. Іаковъ выводилъ заключеніе, что по вѣрѣ ихъ нельзя спастись. Наконецъ приглашалъ лжеиновъ и начетчиковъ защищать свою вѣру предъ всѣми и на основаніи писаній доказать, что ихъ вѣра не есть заблужденіе, и что по ней можно спастись (2 — 3 стр брошюры). Все это было говорено просто, искренне, отъ души; причемъ тщательно были избѣгаемы рѣзкія выраженія или оскорбительныя слова для самолюбія раскольниковъ или старообръовъ (о. Іаковъ избѣгалъ неприятнаго для нихъ названія „раскольники“). Замѣтивъ, что раскольники не любятъ, когда, разбивъ, опровергнувъ ихъ вѣрованія, обличивъ заблужденіе, пообѣщаешь имъ вѣчную гибель во тьмѣ кромѣшной, во адѣ преисподнемъ и пр; о. Іаковъ постоянно тщательно избѣгалъ этого рода полемики, щадя большую совѣсть своихъ слушателей. Въ бесѣдахъ, при обращеніяхъ къ раскольникамъ, онъ всегда называлъ ихъ, „почтенные старообрядцы“, „преданные сыны царю и отечеству“, „любезные сограждане“, такъ какъ замѣчалъ, что это нравится имъ (стр. 48). Это не была уступка ихъ убѣжденіямъ, а простая любезность, вытекавшая изъ простаго уваженія къ собесѣдникамъ, какъ личностямъ, и раскольники видимо цѣнили эту любезность. О. Іаковъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что только могло нравиться раскольникамъ (разумѣется, въ предѣлахъ дозволеннаго), лишь бы только внушить имъ довѣріе къ себѣ и расположить ихъ въ свою пользу, въ цѣляхъ большаго вліянія на нихъ. Онъ постоянно выражалъ свое искреннее участіе въ ихъ судьбѣ не только въ отношеніи религіозной

жизни, но и обыденной, сельской, дѣйствуя и въ этомъ случаѣ въ духѣ пастырской любви и расположенности, которыми, по долгу пастырства, онъ долженъ былъ руководиться въ своихъ отношеніяхъ къ пасомымъ (ibid 31—32, 35—36 стр.). Въ противоположность инымъ миссіонерамъ, которые въ своей полемикѣ съ раскольниками стремятся всячески зачернить и завлечь послѣднихъ, о. Іаковъ старался въ своихъ бесѣдахъ прежде всего отмѣтить лучшія черты раскольниковъ, чтобы открыть доступъ къ ихъ сердцу и сдѣлать ихъ болѣе довѣрчивыми и внимательными къ своимъ дальнѣйшимъ словамъ о раскольническихъ отступленіяхъ отъ ученія православной церкви, и только потомъ уже касался большихъ мѣстъ раскольническаго ученія, притомъ касался такъ осторожно, какъ бы боясь оскорбить своимъ несогласіемъ убѣжденія своихъ собесѣдниковъ, даже извинялся въ этомъ предъ ними. ¹⁾ Девятую бесѣду о. Іаковъ велъ въ деревнѣ Малой-Линкѣ — въ моленной, принадлежащей старообрядцамъ поповщинскаго полка, принимающаго священство австрійскаго поставленія. Осмотрѣвши эту моленную подъ руководствомъ попечителя ея крестьянина Н. Сорогина и замѣтивъ, что она по внутренней своей обстановкѣ (иконы, кадилный дымъ и пр.) походитъ на православную церковь, о. Іаковъ поставилъ это видимое сходство раскольнической моленной съ православной цер-

¹⁾ Въ подтвержденіе этого укажемъ на восьмую бесѣду о. Іакова, веденную имъ въ безпоповщинской моленной, что въ деревнѣ Большія-Линки Бехтѣвской волости. Предварительно осмотрѣвъ эту моленную и потомъ въ началѣ своей бесѣды похваливъ ея благоустройство и видимое благочестіе, богомольство прихожанъ ея — безпоповцевъ, о. Іаковъ продолжалъ такъ: *«но извините меня, если я скажу, что ваша вѣра несчастельна, ваше общество не составляетъ церкви Господа нашего Іисуса Христа, а потому всеу ваше благочестіе, поклонны и воздыханія». Опредѣливъ затѣмъ истинную церковь, какъ такую, въ которой содержится православная вѣра, сохраняются таинства, и находится трехчленная іерархія, чего у раскольниковъ — безпоповцевъ нѣтъ, о. Іаковъ продолжалъ такъ: «не оскорбитесь, если я назову васъ людьми, отцеждающими комаровъ, верблюдовъ же пожирающими, толкуя, что нельзя убавить ни единого слова изъ писанія, сами лишились тѣла и крови Христовой. (ibid. 27—28.)*

ковью исходной точкой своей бесѣды, которую и началъ такъ: «Вся виѣшняя обстановка вашей моленной свидѣтельствуеть, что мы съ вами были когда-то одной вѣры, составляли одну церковь, шли къ одной цѣли-спасенію души. Но исконный врагъ — дѣволъ позавидовалъ чистотѣ православія въ Россіи, воздвигъ неблагонамѣренныхъ лицъ, которыя... увлекли съ собою многихъ... Первоначально ваши учителя имѣли личныя неудовольствія на высшую власть, потому и не покорялись ей; но скажите вы, чѣмъ вы недовольны церковью? (ibid 32 — 33). Такъ покойный о. миссіонеръ всячески старался ослабить вину старообрядцевъ, представить, какъ начало такъ и продолженіе раскола, дѣломъ пнтригъ нѣсколькихъ злонамѣренныхъ лицъ, ихъ руководителей и начетчиковъ, которые, отдѣлившись отъ православной церкви нерѣдко по личнымъ счетамъ, и расчетамъ, продолжали и продолжаютъ упорствовать въ своемъ ослѣпленіи и увлекаютъ многихъ неразумныхъ вслѣдствіе ихъ невѣжества. Вотъ почему покойный о. миссіонеръ въ своихъ бесѣдахъ нерѣдко обращается къ такимъ неразумно увлеченнымъ съ призывомъ одуматься, выпнуть въ тотъ обманъ и ложь, которыми окружили ихъ руководители, понять всю опасность, какой они подвергаются, слѣдуя за этими руководителями (ibid. 5, 37 — 38 стр.). Этотъ снисходительный взглядъ на заблужденія раскольниковъ покойный о. миссіонеръ простираетъ даже до того, что иногда въ появленіи раскола видѣлъ общую нашу вину, вину всѣхъ насъ, членовъ православной церкви, какъ бы такъ говоря намъ, что мы — вѣрные сыны православной церкви должны были бы предохранить отъ увлеченія заблуждающихся нашихъ братій (раскольниковъ старообрядцевъ), а вмѣсто того допустили его. ¹⁾ Вотъ

¹⁾ Это можно видѣть изъ его первой бесѣды, вѣденной 24 мая въ день Пятидесятницы въ Жерновскомъ водостномъ правленіи съ старообрядцами-бѣглопопов-

почему о. Іаковъ постоянно *братски* привѣтствовалъ раскольниковъ, какъ только начиналъ бесѣду съ нимъ (ibid. 2) Поэтому же онъ не спѣшилъ съ осужденіемъ раскольниковъ, но стремился, исходя изъ любимыхъ взглядовъ ихъ, указать имъ истинный путь ко спасенію, дѣлая только небольшую прибавку или поправку этихъ взглядовъ. Въ деревнѣ Малой-Лпикѣ Бехтѣвской волости, гдѣ ведена была о. Іаковомъ девятая бесѣда съ раскольниками поповщинскаго толка, принимающаго священство австрійскаго поставленія, — на замѣчаніе о. Іакова, что святые спасались не книгами а послушаніемъ церкви, глубокою вѣрою, непрестанною молитвою и другимъ добрыми дѣлами, одинъ начетникъ Ник. Кирпильовъ сказалъ: „стало быть, если кто будетъ жить и нынѣ благочестиво и творить добрыя дѣла, то сей можетъ снастись, хоть и будетъ молиться по старымъ книгамъ?“ О. Іаковъ отвѣтилъ: „можетъ, но только тогда, когда молиться по старымъ книгамъ разрѣшитъ высшая власть церковная, какъ разрѣшено молиться нынѣшнимъ единоувѣрцамъ“ (ibid. 35). Даже тогда, когда раскольники вызывали на суровый приговоръ о себѣ, покойный о. Іаковъ затруднился произнести его и не отъ слабости это зависѣло, но отъ того, что онъ боялся признать себѣ принадлежащее только Богу (опредѣленіе послѣдней судьбы каждаго человѣка); отчасти и его нравственная природа могла возмущаться суровостью приговора, такъ какъ онъ ясно сознавалъ, что этотъ приговоръ падаетъ на лицъ, заблуждающихся по не разумію, увлеченію. Къ тому же суровый приговоръ, если-бы онъ былъ произ-

нами. Поставивъ здѣсь вопросъ: сохранили ли мы въ чистотѣ вѣру, преподаванную намъ апостолами, ихъ преемниками и соборами? О. Іаковъ отвѣчаетъ: *«къ стыду нашему, мы должны сознаться, что вы, — почетные старообрядцы далеко отступили отъ апостольской вѣры...»* (ibid. 3 стр.).

несенъ, раздражилъ бы, озлобилъ раскольниковъ и еще больше отдалилъ бы ихъ отъ православной церкви, что совсѣмъ было не въ видахъ покойнаго о. Іакова, и чего онъ всячески избѣгалъ. Въ одномъ мѣстѣ послѣ долгой бесѣды, рассказываетъ о. Іаковъ, начетчикъ задалъ мнѣ вопросъ: „какъ ты думаешь, скажи намъ, погибнемъ ли мы въ будущей жизни?“ „Не смѣю предрѣшать вашу участь, отвѣтилъ я; въ безднѣ судебъ Божіихъ, быть можетъ, найдется мѣсто милосердію къ вамъ, враждующимъ на церковь по невѣдѣнію, по неразумной ревности, пренятствующей вѣдѣть истину“. Такимъ отвѣтомъ начетчикъ и всѣ раскольники остались очень довольны (ibid. 48 — 49).

Изъ сказаннаго нами о миссіонерской дѣятельности покойнаго о. протоіерея легко можно замѣтить, что личность его постоянно остается вѣрной самой себѣ въ разнообразныхъ своихъ проявленіяхъ. И въ миссіонерской дѣятельности покойнаго мы замѣчаемъ тотъ же духъ терпѣнія, снисходительности и братской любви, которымъ руководился покойный въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ, пасомымъ и къ подчиненному ему духовенству, и который мы отмѣтили раньше.— За любовь, довѣріе и желаніе добра даже имъ — отщепенцамъ, въ свою очередь и раскольники почти постоянно платили покойному если не любовью, такъ по крайней мѣрѣ довѣріемъ и уваженіемъ и на бесѣды къ нему постоянно собирались въ очень большомъ количествѣ, даже до 500 человекъ (какъ это было напр. въ Цисковѣ и Бехтѣевѣ самыхъ центрахъ раскола въ Сычевскомъ уѣздѣ), съ почтеніемъ разступались, когда о. Іакову приходилось проходить между ихъ толпами, радушно встрѣчали его и провожали за ворота (ibid. 49, 35, 31—32). А нѣкоторые раскольники и подъ вліяніемъ, бесѣдъ

о. Іакова, которыя, по своему характеру, болѣе походили на исканіе истины подъ ласковымъ братаскимъ руководствомъ умнаго многоопытнаго собесѣдника — о миссіонера, приходили въ сомнѣнію относительно правильности своихъ вѣрованій (какъ это было напр. съ Игнатомъ Теофтистовымъ — австрійцемъ, который послѣ бесѣды о. Іакова усумнился въ законности и этой — австрійской вѣры, которую онъ принялъ послѣ бѣглопоповства. (ibid. 10 — 11), или же изъ логическаго хода разсужденія прямо вынуждаемы были сознаться, что въ церкви великороссійской есть благодать, а слѣдовательно есть и спасеніе. какъ было это съ начетчиковъ бѣглопоповцевъ Никитой Леоновымъ (изъ 3-й бесѣды, веденной въ Богоявленскомъ волостномъ правленіи съ старообрядцами — бѣглопоповцами. ibid. 9). Въ другой разъ о. Іаковъ услышалъ благодарность отъ начетчиковъ бѣглопоповцевъ. Правда, эта благодарность была не за то, что изъ бесѣды о. Іакова они разувѣрились въ истинности своего ученія — бѣглопоповства, а за то, что о. Іаковъ посрамилъ вѣру австрійскую, доказавъ незаконность іерархіи австрійцевъ, которой послѣдніе хвалились (12 бес. 47 стр.). Мы однако придаемъ значеніе и этой благодарности, такъ какъ изъ нея можно заключить, что подобныя бесѣды, какъ бесѣды о. Іакова, пробуждая, у старообрядцевъ критическій взглядъ на вѣрованіе своихъ собратьевъ, въ средѣ самаго же раскола готовятъ обличителей его, а слѣдовательно способствуютъ саморазложенію, самоуничтоженію раскола.

Среди этихъ трудовъ пастырскихъ, благочинническихъ и миссіонерскихъ покойный о. протоіерей находилъ однако время и для письменныхъ работъ. Въ первый періодъ своего пастырства онъ писалъ каждый годъ до 50 проповѣдей и

произносилъ ихъ въ церкви. Но съ 1877 года онъ пересталъ произносить проповѣди съ тетради и сталъ говорить экспромптомъ; и до самой своей смерти проповѣдывалъ такимъ образомъ при каждой праздничной службѣ (о чемъ мы выше упоминали). Съ 1877 года покойный о. протоіерей писалъ только очередныя проповѣди. Что касается бумагъ по церкви и причту, то покойный всегда составлялъ ихъ самъ. Писалъ напр. всегда самъ исповѣдныя росписи, такъ какъ не довѣрялъ другимъ; велъ приходо-расходныя книги и всю отчетность. Строго наблюдалъ также и за прочею письменностью, которую исправлялъ діаконы. Временами, когда позволялъ досугъ, покойный составлялъ статьи для печати, которыя большею частью помѣщалъ въ Смол. Епарх. Вѣдомостяхъ. Такъ, имъ напечатаны были слѣдующія статьи: „Лѣтописъ села Ильинскаго“ (историко-статистическое описаніе. 1871 г.). „О сычевскомъ расколѣ“ (1880 г.). „Воспоминанія о времени своего образованія въ школахъ“ (1890 г.). „Публичныя бесѣды съ раскольниками въ селахъ Бехтѣевѣ, Жерновѣ, Богоявленскомъ, Милоковѣ и Писковѣ“ (1893 г.). „О штундѣ“ (1893 г.). Кромѣ того много статей напечатано было покойнымъ въ журналахъ: Современности, Церковномъ Вѣстникѣ, въ журналѣ „Истина“, въ Смоленскомъ Вѣстникѣ; или изданы отдѣльными брошюрами (напр. „Артели въ Сычевскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи“ 1893 г.). Нужно удивляться тому, какъ покойный среди своихъ сложныхъ и разнообразныхъ трудовъ успѣвалъ еще находить время и для этихъ частныхъ литературныхъ занятій. Покойный о. протоіерей самъ объясняетъ это: „Писалъ я не изъ самохвальства, а единственно изъ любви къ труду“. Любовь къ труду — вотъ единственное начало и причина его неуспынной сложной дѣятельности. Вы-

работкѣ этого качества въ покойномъ очень много способствовала и первоначальная скромная его жизнь въ родительскомъ домѣ и послѣдующее суровое школьное воспитаніе. Преимущественно ихъ вліянію нужно приписать то, что изъ о. Іакова вышелъ ревностный работникъ на нивѣ Христовой. — Для написанія нѣкоторыхъ литературныхъ статей у покойнаго были и внѣшніе поводы. Такъ, статью о расколѣ Сычевскаго уѣзда онъ писалъ въ опроверженіе ложной статьи въ Смол. Вѣстникѣ. Лѣтопись села Ильинскаго написана по приказанію Преосвященнаго Серафима. Статью „О штундѣ“ покойный о. протоіерей написалъ по предложенію Преосвященнаго Гурія, который, въ бесѣдахъ съ нимъ о большихъ успѣхахъ штунды на югѣ Россіи, замѣтилъ ему между прочимъ, что штундисты начинаютъ появляться въ Смоленской губерніи, а Смоленскіе священники не знаютъ, что за ученіе „штунда“, какія его особенности, и какъ нужно дѣйствовать противъ этого ложнаго ученія. Чтобы познакомить своихъ собратій съ характеромъ штунды и дать нѣкоторыя руководящія правила для борьбы съ нею, о. протоіерей и написалъ указанную статью «о штундѣ». «Бесѣды съ раскольниками» напечатаны въ помощь священникамъ при борьбѣ съ раскольниками.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ письменномъ трудѣ, которымъ покойный о. протоіерей занимался во всю свою пастырскую жизнь; это—его дневникъ веденный имъ цѣлые 25 лѣтъ (съ пропускомъ лишь двухъ лѣтъ 1867—1868 гг., когда семейные обстоятельства препятствовали покойному вести записки). Каждый годъ онъ приготавлилъ по книгѣ, и такихъ книгъ набралось теперь болѣе 20. Нужно принять во вниманіе разнообразную дѣятельность, на которую обра-

щены были силы и труды покойнаго о. протоіерея, потомъ его обширный умъ, тонкую наблюдательность и опытъ долгой жизни, чтобы понять значеніе обширнаго дневника покойнаго. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ дневникѣ заключена вся личная жизнь покойнаго, даже его слабости и недостатки, здѣсь обрисована и вся эпоха въ которой приходилось жить и дѣйствовать покойному, по крайней мѣрѣ съ той стороны, которой касались его жизнь и дѣятельность; отмѣчены особенности общецерковной жизни, и указаны характеръ и условія пастырской дѣятельности его времени, какъ равно начерчена рѣзкими штрихами и картина частной бытовой жизни современнаго духовенства. Естественно, что печатаніе этого дневника въ настоящую пору, когда мы слишкомъ причастны къ описываемымъ событіямъ, и когда живы еще затрогиваемыя въ немъ лица, было бы преждевременнымъ. Поэтому покойный о. протоіерей распорядился положить дневникъ въ сундукъ, запереть его и отдать въ церковь села Ильинскаго съ тѣмъ, чтобы читать дневникъ чрезъ 100 лѣтъ и дѣлать извлеченія изъ него. «Тогда интереснѣй будетъ мой дневникъ», говорилъ покойный.

(Окончаніе будетъ).

Памяти покойнаго протоіерея о. Іакова Димитріевича Брянцева.

(Окончаніе. 1).

Такова была многосложная пастырская дѣятельность покойнаго о. протоіерея. За эту пастырскую ревность и труды покойный не былъ забытъ епархіальнымъ начальствомъ; и почти постоянно пользовался благоволеніемъ Преосвященныхъ Владыкъ Смоленскихъ. Такъ, Преосвященный Антоній, при которомъ состоялось назначеніе о. Іакова въ село Ильинское (въ 1860 г.), зналъ о. Іакова лично и благоволилъ ему; въ 1865 г. сдѣлалъ его старшимъ священникомъ, хотя вновь назначенные товарищи Л—въ и П—скій были гораздо старше о. Іакова по службѣ. За проповѣданіе Слова Божія Преосв. Антоній присылалъ три раза Архипастырское благословеніе, а за труды по построенію новой церкви—благодарность. Еще больше благодарѣтельствовалъ о. Іакова Преосвящ. Іоаннъ, оставившій во всей Смоленской епархіи память о себѣ, какъ о суровомъ и строгомъ Архипастырѣ. Преосв. Іоаннъ сразу замѣтилъ въ покойномъ о. Іаковѣ умнаго, выдающагося священника, поэтому во все братковременное свое служеніе на Смоленской кафедрѣ оказывалъ покойному довѣріе и расположеніе. О. Іаковъ сталъ извѣстенъ Преосв. Іоанну съ тѣхъ поръ, когда въ первое же время по пріѣздѣ Преосвященнаго

1) См № 10, 11 и 12 Смол. Епарх. Вѣд.

въ Смоленскъ (1866 г.) послалъ ему одно сочиненіе („О послѣднихъ дняхъ жизни І. Христа“), которое очень понравилось Преосвященному. Отмѣтивъ о. Іакова, какъ дѣятельнаго священника, Преосвящ. Іоаннъ въ 1867 г. опредѣлилъ его учителемъ и законоучителемъ въ сельской школѣ съ жалованьемъ въ 70 руб. отъ прихода. Въ томъ же 1867 г. открылась въ Сычевскомъ уѣздѣ должность миссіонера по дѣламъ раскола съ 300 р. жалованья. Помимо другихъ кандидатовъ, Преосвящ. Іоаннъ поручилъ исправленіе этой должности о. Іакову. 14 февраля 1868 года умеръ благочинный села Кораваева-Подгородняго Протопоповъ. Преосвящ. Іоаннъ и въ этотъ разъ оказалъ свою милость въ отношеніи къ о. Іакову, назначивъ его на должность благочиннаго. Высоко цѣня любовь и благорасположеніе Владыки Іоанна, о. Іаковъ глубоко сожалѣлъ объ его недолгомъ управленіи и ранней смерти (1869 г.) и всю жизнь сохранялъ о немъ память, какъ о своемъ благодѣтелѣ. Преосвящ. Серафимъ, поступившій на мѣсто Іоанна (въ 1869 г.), тоже былъ очень благорасположенъ къ о. Іакову. Въ сентябрь 1869 г. онъ былъ на ревизіи церковей въ Сычевскомъ уѣздѣ. О. Іаковъ понравился ему, вслѣдствіе чего Преосвящ. Серафимъ утвердилъ о. Іакова въ должности благочиннаго и наградилъ его набедренникомъ. Въ 1871 г. въ сентябрь, когда о. Іаковъ былъ на епархіальномъ съѣздѣ, Владыка Серафимъ приглашалъ его къ себѣ и предлагалъ перейти въ Смоленскъ священникомъ. «Ты, говоритъ, дѣятеленъ и умѣешь писать бумаги. Никто такъ хорошо не пишетъ здѣсь, какъ ты». О. Іаковъ поблагодарилъ архипастыря за его милостивое вниманіе къ нему, но отъ перехода въ Смоленскъ отказался. И до самаго перемѣщенія въ Ригу, Преосвящ. Серафимъ имѣлъ о. Іакова на самомъ лучшемъ счету. Преосвящ. Іосифу, смѣнившему Се-

рафима, кто-то наговорилъ на о. Іакова, будто онъ мало занимается расколомъ. Поэтому въ первые дни, по приѣздѣ въ Смоленскъ, Преосвящ. Іосифъ на одной бумагѣ о. Іакова наложилъ резолюцію объ отнятіи у него миссіонерскаго жалованья. О такой резолюціи дали знать о. Іакову изъ Смоленска; онъ явился къ Преосвященному (въ мартѣ 1875 г.) и далъ основательное объясненіе, въ которомъ доказалъ, что переданные Преосвященному — наговоръ и клевета недоброжелательныхъ лицъ. Резолюція оставлена была безъ послѣдствій, и Преосвященный переѣхалъ мѣстѣ объ о. Іаковѣ. Въ 1878 г., по представленію Владыки, о. Іаковъ награжденъ былъ камилавкой. Владыка Несторъ, опредѣленный на Смоленскую кафедру вмѣсто умершаго Преосв. Іосифа (въ 1881 г.), всегда былъ доволенъ о. Іаковомъ и троекратно предлагалъ ему занять открывавшіяся вакансіи протоіерея въ городахъ Сычевкѣ, Юхновѣ и Вязьмѣ. Но о. Іакову тяжело было бросить свой домъ, гдѣ жилось ему такъ хорошо и удобно; къ тому же въ своей семьѣ онъ не имѣлъ такого человѣка, которому могъ бы передать свое мѣсто въ селѣ Ильинскомъ (его старшая дочь рѣшительно отказалась выходить замужъ).

Въ частности, что касается наградъ, которыми епархіальное начальство увѣчивало ревность и труды почившаго протоіерея о. Іакова, то послѣдній получилъ всѣ награды, доступныя сельскому священнику. Такъ, въ 1869 г. онъ былъ награжденъ набедренникомъ (черезъ 9 лѣтъ послѣ рукоположенія, когда былъ уже благочиннымъ) ¹⁾. Въ 1872 г. о. Іакову дана была скуфья и въ 1878 г. камилавка; въ 1881 г. — орденъ св. Анны 3 степени за двѣнадцатилѣтнее

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ прежнее время награды шли очень медленно, а особенно первая. 9-ти-лѣтній періодъ служенія до полученія набедренника былъ еще не очень большимъ.

прохождение должности благочиннаго. Въ 1884 г. Преосвящ. Несторъ исходатайствовалъ о. Іакову наперсный крестъ, отъ Св. Синода выдаваемый. Въ 1892 г., по ходатайству Преосв. Гурія, о. Іаковъ награжденъ былъ саномъ протоіерея, въ каковой санъ и возведенъ былъ 28 іюня въ кафедральномъ соборѣ г. Смоленска.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о частной жизни покойнаго о. протоіерея. Бѣдность родигельской и школьной обстановки, въ какой покойному приходилось воспитываться, сдѣлала его вообще умѣреннымъ и воздержнымъ въ жизни. Такимъ онъ оставался и тогда, когда, состоя на должностяхъ священника, миссіонера и благочиннаго, былъ обезпеченъ и не имѣлъ недостатка. Онъ сторонился широкой жизни, не любилъ ѣздить по праздникамъ и по пирамъ. Въ свою очередь и самъ не любилъ устраивать пиры, но усердно подчивалъ прїѣзжавшихъ, чѣмъ Богъ послалъ. Любезная, ласковая бесѣда домохозяйина располагала къ нему сердца всѣхъ гостей. Обширный умъ, наблюдательность и долгій опытъ жизни о. Іакова отражались на его бесѣдѣ, всегда полной живого интереса и одинаково занимательной для всѣхъ. А объ его тактѣ и умѣньи обходиться со всѣми мы уже не говоримъ. Приведемъ здѣсь слова сослуживца его свящ. Н. Соколова, сказанныя имъ при погребеніи о. Іакова. Свящ. Н. Соколовъ видитъ въ покойномъ образецъ гостепрїимства и прївѣтливости: „Какъ человекъ, говоритъ онъ, о. Іаковъ гнѣвался на обидѣвшихъ его, но, если кто изъ досадившихъ ему приходилъ къ нему въ домъ, онъ находилъ въ себѣ силу поборотъ чувство обиды и былъ прївѣтливъ и любезенъ до совершенства. А какъ онъ былъ уменъ, какъ зналъ душу человѣческую, какъ умѣло обходилъ въ разговорѣ все непрїятное, каждому находилъ сказать что-либо доброе и инте-

ресное и тѣмъ доставлялъ истинное наслажденіе своему собесѣднику“.

Умѣренный и воздержный въ своей частной жизни, покойный о. Іаковъ не былъ требователенъ и въ отношеніи къ прихожанамъ. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что дадутъ. Прихожане очень хорошо пользовались его слабостью ко взысканію денегъ за требы. Мало по малу они начали стягивать у него пятакки при молебнахъ и другихъ требахъ и готовы были упросить его служить даромъ. Отсюда, естественно, происходило то, что у товарища его, священника, было почти вдвое доходу противъ него; сборъ хлѣба по приходу у товарища также былъ значительно больше, чѣмъ у о. Іакова. Но о. Іаковъ не завидовалъ. Съ молоду онъ не былъ взыскателемъ, когда недоставало средствъ на самое необходимое, а подъ старость и подавно. Съ теченіемъ времени, у о. Іакова образовалось много долговъ (до 500 р.) за прихожанами, но онъ махнулъ на нихъ рукою, разсуждая такъ: „отдадутъ, ладно, а нѣтъ — Господь мнѣ заплатитъ“. Помня бѣдность, въ какой самъ воспитанъ былъ, на собственномъ примѣрѣ узнавъ, насколько тяжела ея сила, о. Іаковъ, при всѣхъ случаяхъ старался помогать нуждающимся. Почти ежегодно онъ раздавалъ своимъ прихожанамъ по 10 кулей хлѣба безъ всякаго приращенія, и каждый годъ нѣсколько пронадало; помогалъ нуждающимся и деньгами, и не всѣ возвращали. Но особенно были близки его пастырскому сердцу сельскія вдовы и сироты: онъ снабжалъ ихъ всѣмъ, въ чемъ только они нуждались. А въ мартѣ мѣсяцѣ ежегодно привозилъ имъ по платью (8 -- 10 человекамъ) къ Святой недѣлѣ, и очень доволенъ былъ тѣмъ, что его вдовы и сироты рады были такимъ подаркамъ. Никогда онъ не отказывалъ въ кускѣ хлѣба или помощи деньгами нищему, страннику и даже пьяницѣ, просившему гривенника на похмѣлье. — Сообщая уже

такіе, повидимому, мелочные факты, мы думаемъ, что и они, не смотря на свою видимую малозначительность, могутъ въ достаточной степени говорить о добротѣ и сердечности покойнаго о. протоіерея. Нужно помнить, что это были не единичные факты жизни, а обычные всегдашнія явленія ¹⁾. Отсюда становятся понятными то глубокое уваженіе и признательная любовь, которыя всѣ прихожане питали къ покойному, и глубокая скорбь и слезы, явившіяся у нихъ, при первомъ извѣстіи о смерти любимаго ими пастыря.

Теперь, если бы поставленъ былъ вопросъ: счастливо ли прошла жизнь покойнаго о. протоіерея, то на него должно бы отвѣтить, что на долю покойнаго выпало гораздо больше несчастія и горя, чѣмъ счастья и радости; а случались въ его жизни такія испытанія, которыя едва можно пережить. Мы уже говорили прежде, что не все гладко шло въ пастырской и благочиннической дѣятельности почившаго: часто случались непріятности и обиды отъ своихъ же товарищей и подчиненныхъ; и нужно было обладать слишкомъ большимъ терпѣніемъ и мягкостью характера, чтобы съ болѣе или менѣе спокойнымъ духомъ переносить ихъ. Разсмотримъ ли частную семейную жизнь почившаго, мы и здѣсь встрѣтимъ еще большія несчастія, посѣщавшія его въ разные времена. Такъ, въ 1868 г. у о. Іакова умерло трое дѣтей, которыя уже учились, сперва одинъ мальчикъ отъ воспаления въ мозгу, а потомъ двое отъ скарлатины. А въ 1878 г. 7 октября умерла его жена, оставивъ четырехъ маленькихъ дѣтей — трехъ дочерей и сына. Какъ велико было горе о. Іакова по смерти жены, нѣтъ нужды описывать. Это можетъ понять

¹⁾ Лучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго о добротѣ и сердечности покойнаго о. Іакова можетъ служить его завѣщаніе, содержащее подробное распределеніе его трудовыхъ денегъ. Здѣсь (кромѣ значительныхъ пожертвованій на храмы, учебныя и благотворительныя заведенія) не забыты не только бѣдные родственники и сельскія вдовы и сироты, но и нищіе. По бѣднымъ же покойный раздѣлилъ и свою одежду.

всякій. О. Іаковъ прожилъ послѣ этого 15 лѣтъ и никакъ не могъ безъ ужаса вспомнить того горя. „Удивляюсь, говорилъ онъ, какъ я не умеръ тогда самъ, какъ не помербли очи мои отъ слезъ, какъ это доселѣ живу и служу. О, не дай, Господи, такого горя злѣйшему врагу“, заключалъ покойный, вспоминая свою тяжелую утрату. Эта жгучая боль въ первые годы по смерти жены заполонившая мысли и чувства покойнаго и прорывавшаяся во всѣхъ словахъ и письмахъ его, въ послѣдствіи потеряла свою первоначальную силу, замѣнившись общимъ грустнымъ настроеніемъ. Но послѣдующая жизнь готовила покойному еще большія испытанія, почти не уступавшія указаннымъ. Въ 1884 г. у о. Іакова умеръ въ Смоленскѣ его единственный сынъ Вася, въ тотъ годъ только что опредѣленный въ духовное училище, на которомъ онъ сосредоточивалъ всѣ свои надежды. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, у покойнаго о. Іакова случались иногда мнугы глубокой тоски. „Ничто меня не утѣшаетъ, говорилъ онъ въ такія минуты, — ничто не веселитъ. Умру, а памятника по себѣ не оставляю“. Но сознаніе долга на время устраняло эту тоску, и покойный старался ободрить себя, поднять упавшій духъ. „Пока мочь и сила, буду трудиться“, заключалъ онъ въ такихъ случаяхъ.

Съ жизнію поконченъ вопросъ. Остается еще сказать о болѣзни покойнаго о. протоіерея, въ концѣ концовъ сведшей его въ могилу, о смерти и погребеніи. Въ теченіи всего своего священнослуженія покойный о. протоіерей не могъ похвалиться здоровьемъ. Еще съ молоду онъ гдѣ-то получилъ битарръ желудка и всю жизнь мучился съ нимъ. Къ какимъ только докторамъ не обращался покойный за совѣтами: къ Сычевскимъ, Ржевскимъ и Московскимъ (во время пребыванія въ Москвѣ на съѣздахъ противораскольническихъ миссіонеровъ въ 1887 и 1891 гг.), но пользы видѣлъ совсѣмъ

мало. Доктора признали катарръ о. Іакова неизлѣчимымъ и, производя его отъ спячей жизни и многого писанія, предписывали о. Іакову больше ходить на воздухъ, держать строгую діету и соблюдать покой, а изъ лѣкарствъ прописывали разные порошки, пилюли, воды и пр. Но разнообразныя обязанности, которыя покойный аккуратно исполнялъ до послѣдней возможности, мѣшали ему въ точности слѣдовать предписаніямъ врачей. Передъ масляной недѣлей въ 1894 г. покойный о. Іаковъ схватилъ я другую болѣзнь, которая собственно и ускорила его смерть: вѣхавши въ село Устье на выборъ церковнаго старосты, онъ выпихнулъ правую ногу, а потомъ поскользнулся и упалъ на эту болѣзную ногу. Но на этотъ вывихъ, оказавшійся послѣ очень спялымъ, съ переломомъ головки бедренной кости, не обратили должнаго вниманія (лѣчили только отъ болѣзни желудка), между тѣмъ какъ онъ причинялъ покойному чрезвычайно сильную боль. Вначалѣ, хоть и съ большимъ трудомъ, покойный о. Іаковъ ступалъ еще на болѣзную ногу, ходилъ, либо опираясь на двѣ палки, либо съ одной палкой, поддерживаемый съ другой стороны дочерью или прислугой. Но и сильно болѣзной покойный продолжалъ однако исполнять всѣ трѣбы, пока жестокая боль, развиваясь все больше и больше, не принудила его окончательно слечь въ постель. Въ Вербное воскресенье покойный о. Іаковъ совершилъ послѣднюю литургію въ своемъ храмѣ. Въ этотъ день послѣ службы его едва довели до дому. А на Страстной недѣлѣ и въ день Пасхи онъ не могъ уже служить. Наступилъ долгій періодъ тяжкихъ страданій, продолжавшійся болѣе двухъ мѣсяцевъ, пока смерть не положила конецъ этимъ страданіямъ. Приближавшаяся смерть не страшилась покойнаго о. протоіеря. По временамъ его жизнь складывалась такъ тяжело, и разныя болѣзни такъ сильно беспокоили его прежде, что онъ уже не жаждалъ воз-

вращенія къ жизни. „Все равно, когда-нибудь умирать надо, писалъ онъ своему брату о. Петру,—а теперь я и готовъ, потому что на дняхъ поговѣлъ. (Письмо писано на послѣдней недѣлѣ Великаго поста). Жизнь не красила меня, добавлялъ онъ,—и разставаться съ нею не жалко“. Еще года за три до кончины онъ дѣлалъ всѣ распоряженія на случай своей смерти, указалъ мѣсто, гдѣ похоронить его, составилъ завѣщаніе, въ которомъ точно распредѣлилъ всѣ свои деньги и имущество. Покойный хотѣлъ только умереть дома на собственной постели, но этому желанію не суждено было исполниться. О. протоіерей умеръ въ Москвѣ (11 іюня 1894 г.), куда онъ отправился на лѣченіе, по настоятельному желанію своихъ дочерей.

Если вспомнить, что покойному о. протоіерею было всего только 58 лѣтъ отъ роду, то вполне можно будетъ сказать, что онъ далеко не выполнилъ того, что могъ бы исполнить, если бы прожилъ дольше: съ годами его духовныя силы ничуть не ослабѣли; напротивъ, къ обширному уму у него прибавился долгій опытъ жизни, который, вмѣстѣ съ умомъ, служить гарантіей обширной успѣшной дѣятельности. Но Господь судилъ иначе. Пути Божіе непсвовѣдимы.

Покойный о. протоіерей погребенъ въ селѣ Ильинскомъ, гдѣ протекла его и священническая жизнь. Обрядъ погребенія, отличавшійся большой торжественностью, прекрасно описанъ въ письмѣ священника села Ильинскаго Н. Соколова къ архіепископу Рижскому Арсенію (письмо это напечатано въ Смол. Епарх. Вѣд. за 1894 г. № 13). Мы не станемъ повторять того, что уже сообщено; но сдѣлаемъ только общее замѣчаніе по поводу погребенія покойнаго о. протоіерея. Въ этомъ погребеніи обращаетъ на себя вниманіе одна особенность его. Это — общая печаль и грусть, въ которую повергла смерть о. протоіерея всѣхъ окружавшихъ его и знавшихъ.

По всему видно было, что всё, участвовавшие въ погребеніи, хоронили что-то особенно дорогое, что они издавна привыкли любить и уважать. Каждый изъ нихъ старался, насколько возможно, выразить свою любовь и благодарность почившему. Непонуждаемые никѣмъ, движимые лишь собственнымъ чувствомъ, крестьяне села Ильинскаго идутъ за 20 версть въ г. Сычевку, чтобы собственными трудами участвовать въ перенесеніи тѣла любимаго ими пастыря и заботливаго отца. Священники собираются на погребеніе почившаго своего начальника въ большомъ количествѣ также по собственному почину; произносятъ много рѣчей, въ которыхъ звучитъ неподдѣльная скорбь; оплакиваютъ умнаго и добраго руководителя, къ которому они шли, какъ къ своему старшему опытному брату, за совѣтомъ и ободреніемъ, и отъ котораго постоянно выходили съ облегченнымъ сердцемъ. Опять повторяемъ, что въ данномъ случаѣ весьма замѣчательно согласіе всѣхъ лицъ въ оцѣнкѣ высокой личности почившаго.

Въ заключеніе, бросая общій взглядъ на жизнь и дѣятельность покойнаго протоіерея о. Іакова Брянцева, мы замѣчаемъ въ нихъ строгое логическое развитіе тѣхъ началъ, которыя заложены были въ покойномъ его дѣтствѣ въ бѣдномъ родительскомъ домѣ, а потомъ школой. Удивительно здѣсь согласіе дѣтства и школы съ послѣдующими жизнію и дѣятельностію покойнаго: ни одна черта въ личности и дѣятельности покойнаго, какъ она проявилась въ немъ со времени вступленія его въ самостоятельную жизнь, не стоитъ особнякомъ отъ впечатлѣній и характера дѣтства и школы (мы старались показать это, при подробномъ ознакомленіи съ жизнію и дѣятельностію покойнаго). Но еще болѣе удивительно въ данномъ случаѣ то (и это нужно поставить въ особенную заслугу покойнаго), что онъ изъ своего бѣднаго дѣтства и послѣдующей бѣдной и суровой школы позайм-

становалъ самое лучшее (оставивъ худшее) и развилъ его въ своей жизни и дѣятельности до совершенства. (Таковы были указанные нами выше главныя высокія свойства личности и дѣятельности покойнаго: великое терпѣніе, постоянная снисходительность къ людямъ, любовь къ труду, высоко развитое чувство долга, непритязательность и воздержность въ жизни). Да будетъ вѣчна память его въ живыхъ! Къ покойному вполне приложимо изреченіе Господа (изъ притчи о талантахъ): „*добръ, рабе благій и вѣрный, о малъ былъ еси вѣренъ; надъ многими тя поставлю; види въ радость Господа твоего* (Ев. Мѳ. XXV, 21), такъ какъ покойный, получивъ отъ Господа пять талантовъ, поистинѣ приобрѣлъ другіе пять талантовъ. „*блажени мертвіи, умиращи о Господѣ; ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. XIV, 13).